

*Так устроена природа:
Нет без пчел в природе меда,
Без цветочков нету пчел —
Это я давно учел!*

Андрей Усачев

НА ПОЛЯНКЕ СЛАДКО...

Июль.

Лесные поляны, открытые солнцу, до середины лета тихие, несуетные, вдруг оживают, уставленные кубиками ульев, тонут в непрерывном пчелином гуле — липа зацвела. Сладкий аромат ее, следуя многовековому климатическому «расписанию», катится по Приморью с юга на север, широким сихотэ-алинским фронтом охватывая Уссурийскую тайгу, давая пчелам «рабочие места» на цветущих кронах, а человеку — тысячи тонн высококачественного меда. Так — испокон веку.

Разузнать, как обстоят медовые дела нынешним, не ахти каким для пчеловодческих хозяйств июлем, я поехал на одну из пасек Партизанского района, к давнему знакомому Анатолию Михайловичу Кожерову. А заодно — присесть вечерком под раскидистым бархатом у его дома за кружкой пахучего, с лекарственными дикоросами — баданом, шиповником, кипреем — чая. Вприкуску с медовыми сотами.

— Ну пошли, глянём, — живо отзывается на мой интерес Михалыч.

Пасека — рядом, минута ходьбы.

Лет десять назад, в мой приезд в эту же медоносную пору, солнечный воздух кипел липовым настоем. Теперь, как ни стараюсь уловить характерный июльский аромат, — ни запашинки...

— Ты гляди, что за лето! — недоумевает, бросив на меня взгляд, Михалыч. — Холод, дожди, жара, туманы — одно поперек другого, без всякой пощады. Температурные сдвиги! Липа с цветом запоздала. А начался июль — жара, в тени тридцать пять градусов! Цветки подгорели, едва народясь, и осыпались.

— Бог в помощь! — приветствуем пчеловодов Тетюцких, братьев Виталия и Александра. — Как успехи?

— Плоховато. С первой липы, Таке, толку было мало. Сейчас берем со второй, амурской. Но тоже неважно. Надежда на третью, маньчжурскую. Но в этом году хороший цвет набирает диморфант. Пять лет не было. Мед очень полезный. Что-то и с него будет.

Михалыч на пасеке — человек свой. Когда-то она была совхозной, ею заведовал его отец. Но процветающие хозяйства разорил коммерческий бум конца 1980-х. Одно за другим они перешли в частные руки. Многие знатные пчеловоды остались не у дел. Большинство пчелиных семей из-за дальнейшего неквалифицированного обращения с ними погибло. Тетюцкие пасеку выкупили, трудятся на ней около сорока лет. Помогает сын Сергей, зять Ярослав, приобщаются внуки.

Михалыч подводит меня к тазику с обрезками-забрусами: «Угощайся!» И мы жуем соты — в них самый лучший, зрелый мед. Влажность его девятнадцать процентов. Меньше — редкость.

Погода шепчет — солнце, безветрие. Над поляной — гул. Одни пчелы вылетают из ульев к местам промысла, другие возвращаются с полным зобиком нектара. Это рабочие, транспортные особи. У ульевых тоже дел невпроворот: охрана домика от непрошенных гостей, забота о матке, выпаривание из нектара влаги, запечатывание сот и многое другое. Технология производства меда не знает отдыха, потому и ночи в пасечном городке гулкие: сотни тысяч пчелиных крылышек работают «вентиляторами», изгоняя лишнюю воду.

— Медовый процесс начинается с разведки, — поясняет Александр. — У пчел строгое разделение труда. Разведчики улетают, ищут цвет, нектар. Вернувшись в улей, специальными танцами рассказывают рабочим сестрицам, куда надо лететь, сколько нашли цвета, далеко ли. Те, приняв информацию, улетают загружаться.

...ДА НЕ ВСЕ ГЛАДКО

Когда-то читал: австрийский зоолог Карл фон Фриш, открывший так называемый язык кругового танца у пчел, получил в 1973 году Нобелевскую премию. Ученые и до него предполагали, что пчелы «вроде как разговаривают». Фриш сумел расшифровать элементы танцев. Он, кстати, прожил почти сто лет.

— Правда, что пасечники не болеют артрозом? — спрашиваю у Александра.

— Не верь! Я мучаюсь не первый год, — то ли в шутку, то ли всерьез отвечает он. Но потом без улыбки добавляет: — Правда, заработал на другой работе. Полечиться, конечно, можно, но это надо делать методично: начинать с укуса одной пчелы, доводить до двух десятков, прибавляя ежедневно по одной, потом снижать в обратном порядке. Да времени нет.

К полудню солнце припекло, пчеловоды снимали рубахи, даже сетками не защищаются. Только дымокуром изредка попыхивают. Пчелы трудятся, пока погода, спешат запастись пищей на зиму, отстаивать свое добро некогда. Глядя на пасечников, разделся и я, пошел понаблюдать за их работой у ульев. Но пчелки чужака не приняли, покружились вокруг, приняхались и давай нападать. Одна ужалила в бровь, и я по-быстренькому унес ноги с их вотчины. Не поддавайся на пчелкин медок, предостерегает старая народная мудрость, у нее жальце в запасе.

В работе тридцать девять двойных ульев. Сегодня меда взяли с половины — по шесть килограммов. Мало. Ведь только с одной полной рамки можно качнуть четыре, а их в улье двенадцать. На забивку каждой пчелам надо дней пять. Ждать, пока заполнятся все, ни к чему. Налили мне в кружку: «Пробуй!» Мед очень густой, не пьется. Его нужно втягивать в себя, как насосом. Вязкость — знак высокого качества. На базаре такого продукта не сыщешь. Третью кружки даже в охотку — предел. Медовушки можно не спеша «уговорить» и пару литров, а мед свою отпусчную меру хорошо знает.

Не только погода повинна в малом приносе.

— За последние десять-пятнадцать лет выпилили треть запасов липы, — сетует Виталий Порфирьевич. — Наиболее медоносной липа становится в пятьдесят-восемьдесят лет. Ее и погубили. А ведь липа дает до семидесяти процентов всего приморского меда. Наша тайга и сейчас еще может давать тридцать-тридцать пять тысяч тонн, а берут только пять. Ну и жара, конечно. Лучшая температура для медосбора двадцать семь градусов, ночью — двадцать-двадцать два. Сильно вредят туманы, особенно морские, соленые. До залива Восток напрямую всего тридцать километров, и сюда вынос доходит.

Много лет пчеловоды бьются за принятие действенного закона о пчеловодстве, где бы регулировалась их деятельность, охранялись от бесконтрольных заготовок и расхищения медоносные деревья, присутствовало участие государства. Пока безрезультатно. Закон «О пчеловодстве в Приморском крае» в конце 2013 года Законодательное собрание приняло, но без учета мнений пчеловодов, чисто формально, говорят многие пасечники. Поэтому был создан Союз пчеловодов Приморья, общественная организация, продолжающая борьбу за возобновление пчеловодства как сельскохозяйственной отрасли. Приморье — самое медовое место на земле. Наш мед ценится во всех странах.

— А у нас сбыта нет! — сокрушаются Тетючкие. — В магазинах китайский мед, искусственный, берут. А мы натуральный продать не можем.

Не все гладко в сладком королевстве...

Вернувшись, мы присели под раскидистым бархатом — почаяевать. На этот раз без липового цвета. В разговоре о варварском отношении к тайге Михалыч горько обронил:

— А ведь цветет липа только на двадцатый год своей жизни...

